

И опять она сидит — посреди — караванного —
большого — пути. А вокруг нее...

Это песня долгая, кочевая, пустынная, прерыви-
стая и нескончаемая, подобная караванной тропе.
Если мелодии Новеллы Матвеевой «сами собой»
вытекают из открытого смысла слов, то в этой пес-
не слова рождаются из темпа и ритма, а также из
того, что вокруг, как в подлинной восточной песне-
импровизации.

А вокруг нее следы, следы...

Пауза. Гитара. Что-то будет дальше. Но нет пока
ничего.

...следы, следы.

То, что «следы» вместо ожидаемых двух раз бы-
ли повторены четыре раза, есть вызов «песенной
форме». Песни еще нет, она формируется в пути,
следы — не загадочные, и ведут они не к разгадке, а
ко всему на свете, что может встретиться и пройти
мимо; и я, автор статьи, так же брошен на произвол
судьбы, как вы, слушатель: могу писать об одной
из древнейших песенных традиций, а могу — об
одном из принципов современной драматургии.

Кто пройдет обутый, кто — босой.

Кто проедет на верблюде седом...

Заклинательница змей

Не дающаяся в руки, кочующая мелодия прохо-
дит по неизведанному маршруту, которого нет на
картах.

...кто на лошади с багряным седлом.

Чьи-то туфли проплывут — как цветы — вы...

— вы...

Новелла Матвеева — Золушка, оставшаяся до-
ма, когда сестры укатили на бал: одинокая, забро-
шенная и свободная. У нее ничего нет, и поэтому у
нее может быть все, что она захочет. И фея.

Новелла Матвеева окружила себя морями, остро-
вами, осенними дождями сквозь водосточные трубы
(«ах, эти трубы, сделали трубкой губы, чтобы
проходим выболтать тайны домов») и пустынями и
разработала все во всех подробностях. Это ее дом,
это ее быт, это ее реализм со множеством конкрет-

ных деталей, она уже не раз шла этой пустыней и
все тут знает («первый верблюд о чем-то с грустью
думал, а остальные вторили ему»).

...как цветы, расшитые росой.

Только подлинный голос Новеллы Матвеевой —
слабый, не знающий, что с ним будет через мину-
ту, — имеет на все это право. «Авторские песни»,
как их в конце концов назвали после всяких терми-
нологических ухищрений вроде «бардов и менест-
релей», — это не «пьесы» (которые можно ставить
много раз и по-разному), а «спектакли» (которые
живут полной жизнью, только когда вы их смотри-
те в театральном зале, а не в кино и не по телеви-
зору). Слабый голос Новеллы Матвеевой сейчас
станет чуть (чуть-чуть!) сильнее и тверже, и тот же
гитарный проигрыш, который всю дорогу перели-
вался, станет сейчас чуть более «металлическим»:

а в корзинах перед ней — с медной прозеленью
змеи —
как расплавленный металл...

— никто, кроме Новеллы Матвеевой, так не поет,
потому что никто больше этого не видел, и уж
совсем нелепо все это описывать и пересказывать.
А что подделаешь? Ничего не подделаешь.

...как степной ручье...

— ээй...

И спокойно, без удивления, но все-таки с некото-
рым облегчением, потому что сейчас будет привал,
потому что куда-то приехали:

— Здравствуй, заклинательница змей.

Здесь кончается неизвестность. Здесь кончается
импровизация, пролог, дорога. Сложившийся в
этом пути напев становится обдуманым (тоже в пу-
ти) монологом:

— Заклинательница змей, отчего. Мне не нравит-
ся твое ремесло.

Ты как будто что-то лепишь. Из змеиных тел.
Что ж ты слепишь, Я бы знать хотел.

Но это уже особый разговор.

А. АСАРКАН.

Новелла Матвеева
1946, 16 нояб. 19